
12+
КаМа
Лампа Пати
Звёздная Мандала

КаМа

Лампа-Папи. Звёздная Мандала

«Издательские решения»

КаМа

Лампа-Папи. Звёздная Мандала / КаМа — «Издательские решения»,

«Лампа-Папи. Звёздная Мандала» — вторая часть путешествия Га, Си и Зе.После первых двадцати четырёх глав мир Лампа-Папи раскрывается ещё шире. Теперь друзья начинают замечать большую звёздную структуру Вселенной: встречаются с Луной, Венерой, Марсом и Солнцем, входят в звёздные пространства Ашвини, Рохини и Пушья, получают удивительные послания и постепенно обнаруживают Карту, которая умеет меняться.

© КаМа
© Издательские решения

Содержание

Лампа-Папи. Звёздная Мандала 6
Об авторе 6
О книге 7
ВСТУПЛЕНИЕ 8
Глава 25 12
Глава 26 25
Глава 27 38
Глава 28 50
Сад Венеры 50
Глава 29 65
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Лампа-Папи. Звёздная Мандала

КаМа

© КаМа, 2026

ISBN 978-5-0071-6890-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Картина КаМа

Лампа-Папи. Звёздная Мандала

Об авторе

КаМа — автор книг, в которых сказка становится пространством исследования мира и сознания. Её герои познают неизвестное через любопытство, радость, движение, музыку, свет и живое взаимодействие. Миры КаМа соединяют игру воображения, философскую глубину и ощущение чуда, которое может открываться в самых простых вещах.

О книге

«Лампа-Папи. Звёздная Мандала» — вторая часть путешествия Га, Си и Зе.

После первых двадцати четырёх глав мир Лампа-Папи раскрывается ещё шире. Теперь друзья начинают замечать большую звёздную структуру Вселенной: встречаются с Луной, Венерой, Марсом и Солнцем, входят в звёздные пространства Ашвини, Рохини и Пушья, получают удивительные послания и постепенно обнаруживают Карту, которая умеет меняться.

Но знания здесь не даются как готовая схема. Лампа-Папи исследуют всё сами — играя, путешествуя, слушая, пробуя, удивляясь и замечая связи между явлениями.

Так шаг за шагом отдельные открытия начинают складываться в **Звёздную Мандалу —** живую картину мира, где всё существует отдельно и одновременно связано со всем.

Это сказка о пространстве неизвестного, в которое не нужно входить со страхом. Достаточно любопытства, открытого Сердца и желания однажды сказать:

«О! А что там дальше?»

ВСТУПЛЕНИЕ

Звёздная Мандала

Есть путешествия, после которых возвращаешься домой.

А есть такие, после которых вдруг замечаешь, что **дом стал больше**.

Га, Си и Зе уже давно перестали удивляться тому, что река может течь вверх, цветы — летать, дверь — появиться там, где вчера её не было, а море — однажды оказаться прямо над облаками.

Хотя нет.

Это неправда.

Они **никогда не переставали удивляться**.

Просто удивление у Лампа-Папи было не таким, как в самом начале.

Раньше Зе мог увидеть что-нибудь совершенно невероятное и немедленно закричать:

— ГАААА! СИ!!! СМОТРИТЕ!!!

Теперь он сначала кричал:

— ГАААА! СИ!!! СМОТРИТЕ!!!

А уже потом добавлял:

— Интересно, с чем это связано?

Это, конечно, было огромным прогрессом.

Особенно если учесть, что сразу после этого Зе всё равно пытался неизвестное понюхать.

Иногда лизнуть.

И один раз даже положить себе на голову.

Но постепенно произошло нечто странное.

Путешествия, которые раньше казались отдельными историями, начали будто бы **переглядываться друг с другом**.

Га мог вспомнить свет Сердца — и вдруг понять что-то о дороге.

Си слышала ветер — и в его движении замечала тот же ритм, который когда-то почувствовала среди корней говорящего леса.

А Зе однажды попробовал облако и совершенно серьёзно заявил:

— Я этот вкус уже где-то встречал.

— Где? — спросила Си.

Зе задумался.

Очень надолго.

— Не помню.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Вот поэтому и интересно.

И это тоже было правдой.

В их мире всё чаще возникало ощущение, будто за каждой новой дверью находится не просто ещё одно удивительное место.

Будто **все эти места каким-то образом связаны**.

Не верёвочками.

Не дорожками.

Не теми золотыми нитями, которые можно увидеть глазами.

Связь была тоньше.

Иногда она чувствовалась как знакомое движение.

Иногда — как повторившийся звук.

Иногда — как состояние, которое вдруг возвращалось совсем в другом месте.

А иногда Га просто останавливался и говорил:

— Подождите.

И тогда Си тоже замирала.

Зе обычно замирал последним.

Потому что сначала ему требовалось выяснить, зачем все замерли.

И в такие мгновения происходило самое интересное.

Мир словно переставал быть собранием отдельных чудес.

Он становился чем-то большим.

Живым.

Дышащим.

Словно где-то существовала огромная невидимая картина, а Га, Си и Зе пока видели только отдельные её кусочки.

Облако.

Звезду.

Реку.

Тишину.

Ветер.

Лес.

Свет.

Дорогу.

Цветок.

Море.

Каждый кусочек был самостоятельным.

И одновременно будто знал обо всех остальных.

Однажды вечером трое сидели на своём облаке.

Никаких дверей рядом не появлялось.

Никакие реки не текли вверх.

Невидимый друг никого не щекотал.

Даже синий носок куда-то исчез.

Что само по себе уже выглядело подозрительно.

Небо было огромным.

Очень тёмным.

И очень ясным.

Га лежал на спине и смотрел вверх.

Си сидела рядом, обняв лапками колени.

Зе ел воздух со вкусом вечерней прохлады.

Некоторое время никто ничего не говорил.

Потом Зе прищурился.

— А звёзды всегда стояли именно так?

Си подняла голову.

— Как?

— Ну… так.

— Очень точное описание, — заметил Га.

— Я стараюсь.

Они снова посмотрели вверх.

Одна звезда светила чуть ярче.

Рядом с ней стояли другие.

Ещё дальше виднелась целая россыпь.

Между ними не было нарисованных линий.

И всё же Си вдруг почувствовала, что смотрит не на множество отдельных огоньков.

Она смотрит на **пространство между ними**.

И это пространство тоже что-то значило.

— Га…

— Вижу.

— А я ещё нет, — сказал Зе. — Но заранее согласен.

Га улыбнулся.

Над ними была не просто россыпь света.

Там словно начинал проступать какой-то огромный рисунок.

Не готовый.

Не законченный.

И уж точно не такой, который можно было один раз запомнить и больше никогда не смотреть на небо.

Он менялся.

Или, возможно, менялись они сами.

Где-то вдали появилась Луна.

Она медленно поднялась над краем облаков и некоторое время просто смотрела на троих своим серебряным светом.

Зе помахал ей лапой.

Луна ничего не ответила.

— Невежливо, — сообщил Зе.

И тут по поверхности их облака скользнула тонкая серебряная полоска.

Одна.

Потом вторая.

Третья.

Они пересеклись прямо между Га, Си и Зе.

А затем исчезли.

— Что это было? — прошептала Си.

Га ещё смотрел на место, где только что лежал свет.

— Не знаю.

Зе широко улыбнулся.

Потому что это был его любимый ответ.

Не знаю.

Он означал, что впереди снова есть куда идти.

Над облаками сияла Луна.

Дальше мерцали звёзды.

Ещё дальше находились пространства, которых они пока даже не умели замечать.

И где-то среди всего этого уже складывался рисунок.

Огромный.

Живой.

Меняющийся вместе с каждым новым шагом.

Га, Си и Зе ещё не знали его названия.

Не знали, где он начинается.

Не знали, есть ли у него край.

Они знали только одно.

Когда отдельные огоньки начинают соединяться…

рождается **Мандала**.

А когда эти огоньки — звёзды,

начинается совсем другое путешествие.

Зе посмотрел на Луну.
Луна посмотрела на Зе.
И вдруг что-то серебряное медленно отделилось от её света и полетело прямо к облаку.
Зе вскочил.
— О!

Га и Си одновременно повернулись к нему.
Зе расправил маленькие зелёные крылья.
— Кажется…
Он вытянул лапы навстречу серебряному свету.
— нам письмо.
И именно с этого всё началось.

Глава 25

Письмо от Луны

Серебряное нечто летело медленно.

Настолько медленно, что Зе успел вытянуть лапы, убрать лапы, снова вытянуть лапы, посмотреть на Га, посмотреть на Си и спросить:

— А если это всё-таки не нам?

— Тогда ты просто очень вежливо встретишь чужую почту, — сказала Си.

— А если она съедобная?

— Зе.

— Я только уточнил.

Свет спускался всё ниже.

Он не был похож ни на звезду, ни на каплю, ни на тот серебряный росток, который когда-то привёл их в Лунный сад.

Скорее это был кусочек лунного сияния, который почему-то решил больше не лежать на Луне.

Он плавно коснулся облака.

И…

ничего не произошло.

Га, Си и Зе стояли вокруг него.

На облаке лежала тонкая серебряная полоска.

Очень красивая.

Очень загадочная.

И совершенно неподвижная.

— Ну? — спросил Зе.

Серебряная полоска ничего не ответила.

— Может, надо открыть? — предположила Си.

Зе тут же поддел её коготком.

Полоска растеклась по облаку.

— Ой.

Она превратилась в маленькое светящееся пятно.

Потом снова собралась.

Теперь уже в круг.

— Оно живое, — сказала Си.

— Или сердитое, — заметил Зе.

Га сел рядом.

Он не трогал свет.

Просто смотрел.

Через несколько мгновений круг вытянулся в тонкую линию и медленно пополз к его лапе.

— Кажется, хочет что-то показать.

Зе немедленно лёг на живот.

— Я готов.

Си тоже села.

Серебряная линия разделилась на три.

Одна потянулась к Га.

Вторая — к Си.

Третья — к Зе.

Зе торжественно прижал лапу к груди.
— Всё. Это точно нам.
Линии коснулись их лап.
И исчезли.
— Что?! — возмутился Зе.
Он перевернул лапу.
Посмотрел с другой стороны.
Понюхал.
— Где письмо?
— Может быть, это и было письмо, — сказала Си.
— Очень короткое.
— Ты даже не знаешь, что там было.
— Именно поэтому короткое.
Га всё ещё смотрел на облако.
На том месте, где лежал свет, осталось круглое углубление.
Будто кто-то поставил туда прозрачную чашу.
Га провёл лапой над ним.
Углубление тут же наполнилось серебряным сиянием.
И в нём появилась Луна.
Не настоящая — отражённая.
Хотя настоящая Луна по-прежнему висела высоко над ними.
Зе поднял голову.
Потом посмотрел вниз.
Потом вверх.
— Теперь их две.
— Отражение, — сказала Си.
— Я знаю.
— Тогда почему удивляешься?
— Потому что отражение тоже Луна.
Си задумалась.
— В каком-то смысле.
Зе удовлетворённо кивнул.
— Вот.
Он наклонился так близко к серебряной чаше, что его зелёная мордочка появилась рядом с отражённой Луной.
И в тот же миг Луна в углублении дрогнула.
По её поверхности пробежала тонкая волна.
А потом из отражения поднялся маленький светящийся знак.
Не буква.
Не рисунок.
Скорее движение.
Серебряная дуга появилась, изогнулась и исчезла.
За ней возникла другая.
Потом третья.
Си придвинулась ближе.
— Подождите.
Га и Зе замерли.
Си смотрела на отражение очень внимательно.
— Оно повторяется.

— Что?
— Движение.
Серебряная дуга возникла снова.
Сначала тонкая.
Потом широкая.
Потом снова стала тонкой и исчезла.
Через мгновение всё началось заново.
— Как дыхание, — сказал Га.
— Или качели, — сказал Зе.
— Или волна.
— Или живот после семи ветров.
Си посмотрела на него.
— Что?
— Ничего.
Движение продолжалось.
Но никакого текста не появлялось.
Зе первым потерял терпение.
Он ткнул носом отражение.
Серебряная чаша расплескалась.
Свет разлетелся по облаку десятками маленьких лужиц.
В каждой теперь отражалась Луна.
— О-о-о…
Зе медленно поднял голову.
Вокруг них лежало множество маленьких лун.
Больших.
Маленьких.
Кривых.
Вытянутых.
Некоторые отражения были почти круглыми, другие — тонкими, как серебряные ноготки.
— Га…
— Вижу.
— Си…
— Тоже.
— Их стало слишком много.
Си перешла к ближайшей лужице.
В ней Луна была совсем тонкой.
Почти исчезнувшей.
В следующей — половинкой.
В третьей — почти полной.
— Они разные.
— Но Луна одна, — сказал Га.
Зе посмотрел вверх.
Настоящая Луна сияла совершенно спокойно.
Потом опять вниз.
— Очень удобно. Одна Луна — много вариантов.
Серебряные отражения начали медленно перемещаться.
Не по облаку.
Каждое изменялось само.

Тонкий месяц становился шире.
Полукруг — полным кругом.
Полный круг начинал уменьшаться.
Они менялись с разной скоростью, но рисунок повторялся.
Си ходила между ними.
— Она показывает движение.
— Куда? — спросил Зе.
— Не куда. Как.
Это Зе не понравилось.
— Я предпочитаю «куда».
Он сел возле самой большой лунной лужицы.
— Куда?
Лужица молчала.
— Вот.
— Она не обязана отвечать словами, — сказал Га.
— Тогда зачем отправлять письмо?
И тут прямо возле Зе что-то тихо звякнуло.
— Ли.
Все трое обернулись.
На облаке стоял маленький серебряный росток.
Тот самый.
Только теперь он выглядел чуть выше.
На его тонком стебельке появились два новых крошечных листика.
— Ли! — обрадовался Зе. — Ты умеешь читать по-лунному?
Росток качнулся.
— Ли.
— Я так и думал.
— Что именно ты понял? — спросила Си.
— Что он умеет.
— Он сказал только «ли».
— Но очень уверенно.
Ли подошёл к одной из серебряных лужиц.
Опустил листик в отражение.
Луна задрожала.
И по всему облаку прошёл тихий звон.
Не громкий.
Очень тонкий.
Как если бы кто-то коснулся стеклянной нити.
Одна серебряная лужица ответила.
Потом вторая.
Третья.
Вскоре всё облако тихо звенело.
Каждая отражённая Луна звучала немного иначе.
Полная — глубже.
Тонкая — почти неслышно.
Половинка — мягко.
Зе ходил между ними и наклонял ухо к каждой.
— Они поют по-разному.
— Потому что выглядят по-разному? — спросила Си.

Га медленно покачал головой.
— Или выглядят по-разному, потому что сейчас звучат по-разному.
Зе немедленно повернулся к нему.
— Это было очень га.
— Что?
— Ничего.
Си улыбнулась.
Ли прошёл ещё несколько шагов.
На каждом месте, где его маленькая лапка касалась облака, появлялась серебряная точка.
Точки начали соединяться.
Сначала в линию.
Потом в круг.
Потом круг разомкнулся.
Потом снова собрался.
То, что происходило, было одновременно рисунком и ритмом.
Как будто письмо не собиралось лежать неподвижно и ждать, пока его прочитают.
Оно жило только пока менялось.
— Если остановить, — сказала Си, — мы потеряем часть.
— Тогда не будем останавливать, — ответил Га.
Зе задумался.
— А как читать то, что всё время меняется?
Никто не ответил.
И тут ветер шевельнул облако.
Все серебряные лужицы поползли к краю.
— Письмо утекает! — закричал Зе.
Он бросился спасать ближайшую.
Собрал её лапами.
Свет просочился между пальцами.
Зе схватил другую.
Та распалась.
— Стойте! Стойте! Мы ещё не дочитали!
Га тоже поднялся, но вдруг остановился.
— Зе.
— Что?
— Не держи.
— Оно сейчас упадёт!
— Посмотри.
Первая серебряная капля добралась до края облака.
Сорвалась вниз.
Но не исчезла.
Она повисла в воздухе.
Вторая присоединилась к ней.
Третья.
Одна за другой лунные капли уходили с облака и оставались висеть ниже.
Через несколько мгновений под ними появилась сияющая дорожка.
Она уходила вниз.
Нет.
Не вниз.
Чуть в сторону.

Потом изгибалась вверх.
И снова куда-то исчезала.
Зе осторожно выглянул за край.
— Это дорога?
Си всматривалась в серебряную цепочку.
— Может быть, ещё нет.
— Как это?
— Она ещё складывается.
Действительно.
Каждая новая капля меняла направление дорожки.
Путь не существовал заранее.
Он формировался прямо сейчас.
— Письмо превращается в дорогу, — сказал Га.
Зе открыл рот.
Закрыл.
Снова открыл.
— Это очень хорошее письмо.
Ли радостно качнулся.
— Ли!
Последняя серебряная лужица стекла с облака.
Дорога вспыхнула целиком.
И тут всё погасло.
— А-а-а!
Зе прыгнул к краю.
Пусто.
Ни дороги.
Ни капель.
Ни серебряного света.
Только обычное ночное небо.
— Я же говорил, надо было держать!
— Подожди, — сказал Га.
— Я уже ждал.
— Ещё.
Зе сел.
Прошла минута.
Ничего.
Он демонстративно посмотрел на Луну.
— Я считаю это очень странной почтовой службой.
Луна светила.
— Сначала письмо без текста. Потом много Лун. Потом музыка. Потом дорога. Потом дороги нет.
Си задумчиво посмотрела на него.
— Может быть, всё это и было текстом.
— Тогда я прочитал: «Здравствуйте. Вот вам дорога. До свидания».
Га тихо засмеялся.
И в этот момент на его груди вспыхнул слабый голубой свет.
Следом отозвалась Си — лиловым.
Зе посмотрел на них.
— О.

Его зелёное сияние загорелось само.
Три света смешались между ними.
В центре появилась прозрачная серебряная точка.
Та самая.
Как в некоторых их прошлых путешествиях.
Она поднялась в воздух.
Пульсировала.
Сначала медленно.
Потом быстрее.
И с каждым её движением далеко в небе отвечала Луна.
Свет.
Пауза.
Свет.
Пауза.
Зе перестал шутить.
Все трое просто смотрели.
Серебряная точка между ними двигалась в том же ритме, в каком недавно менялись отражения.
То становилась полной.
То почти исчезала.
То снова возвращалась.
И вдруг Си прошептала:
— Оно не исчезало.
— Что?
— Письмо.
Она положила лапу себе на грудь.
— Оно сюда перешло.
Га прикрыл глаза.
Он тоже почувствовал.
Не слова.
Не предложение.
Скорее ритм.
Мягкое движение внутри.
Приближение.
Отдаление.
Возвращение.
Будто что-то говорило:
я меняюсь — и остаюсь собой.
Зе долго молчал.
Для Зе это действительно было долго.
Потом спросил:
— А письмо может быть не тем, что ты понял головой?
— Наверное, — сказала Си.
— Тогда чем?
Га открыл глаза.
— Тем, после чего ты начинаешь видеть иначе.
Зе подумал.
— Это ещё более га.
— Я начинаю беспокоиться.

Но Зе уже не слушал.
Он смотрел на Луну.
И вдруг увидел то, чего раньше не замечал.
Лунный свет лежал не только на облаке.
Он был на кончиках их шерсти.
На маленьких крыльях.
В глазах Си.
На носу Га.
На двух листиках Ли.
На далёких облаках.
На серебряной полоске воды где-то далеко внизу.
Одна Луна отражалась во множестве мест.
И в каждом — немного иначе.
— О…
Си повернулась к нему.
— Что?
— Она везде разная.
— Да.
— Но это всё она.
Га улыбнулся.
Зе посмотрел на собственную зелёную лапу.
На ней тоже лежал маленький кусочек лунного света.
Он повернул лапу.
Свет переместился.
— А если я двигаюсь, она меняется у меня.
— Отражение меняется.
— Ну да.
Зе снова посмотрел вверх.
— А сама?
На этот раз никто не ответил.
И хорошо.
Некоторые вопросы становились меньше, когда на них слишком быстро отвечали.
Ли вдруг топнул маленькой серебряной ногой.
— Ли!
Перед ним возникла круглая капля света.
Внутри капли появилась картинка.
Лунный сад.
Тот самый.
С серебряными растениями.
С мягкими дорожками.
С необычным светом, который будто не падал сверху, а возникал сразу во всём пространстве.
— Сад! — воскликнул Зе.
Изображение исчезло.
Появилось другое.
Серебряные ступени, уходящие вверх.
Потом — огромная белая равнина.
Потом — арка, которую они раньше не видели.
Потом — три маленькие точки: голубая, лиловая и зелёная.

И наконец…
пустое место.
Зе ткнул в него пальцем.
— А это что?
Ли молчал.
— Ли?
— Ли.
— Ясно. Опять исчерпывающий ответ.
Си подошла ближе.
Пустое место внутри капли было странным.
Оно не выглядело отсутствием картинки.
Скорее это было пространство, которое **ещё не стало картинкой**.
— Это там, где мы ещё не были, — сказала она.
Га посмотрел на Луну.
Тонкая серебряная дорожка снова появилась.
Но теперь не под облаком.
Она начиналась прямо в воздухе перед ними.
Один светящийся шаг.
Потом второй.
Третий.
И дальше — ничего.
Зе расправил крылья.
— Вот теперь понятно.
— Что понятно? — спросила Си.
— Нас приглашают.
— Куда?
Зе указал на Луну.
— Туда.
Серебряная дорожка вспыхнула чуть ярче.
Будто услышала.
Га осторожно поставил лапу на первый светящийся участок.
Он выдержал.
Появился следующий.
— Дорога строится, когда идёшь, — сказал Га.
— Как тогда, — вспомнила Си.
Они переглянулись.
Некоторые вещи возвращались.
Но никогда точно такими же.
Зе первым прыгнул на дорожку.
— Тогда чего мы стоим?
Он сделал шаг.
Впереди возник новый серебряный участок.
Ещё шаг.
Ещё один.
Дорога росла.
— Зе! — позвала Си. — Мы сейчас не собирались уходить!
Зе обернулся.
— А когда собирались?
Си открыла рот.

Закрыла.

— Тоже верно.

Га шагнул следом.

Но тут Ли пискнул:

— ЛИ!

Все остановились.

Росток быстро подбежал к Зе.

Прыгнул.

И спрятался в его шерсти.

Только два серебряных листика остались торчать наружу.

— Ты тоже?

— Ли.

— Хорошо.

Зе поправил его лапой.

— Только не щекочи.

Листики немедленно защекотали ему ухо.

— Ли!

— Я уже пожалел.

Си засмеялась и тоже ступила на серебряный путь.

И как только все трое оказались на дороге, перед ними возникло новое сияние.

Не изображение.

Не слово.

Не знак.

Три серебряных круга.

В первом отражался Га.

Во втором — Си.

В третьем — Зе.

Но отражения были необычными.

Га увидел себя таким, каким был в день, когда маленькая звезда впервые упала ему на голову.

Си — себя в Лунном саду.

Зе — себя возле клубничного ветра с совершенно счастливой мордочкой.

— Это прошлое? — спросил Зе.

Картинки дрогнули.

Поменялись.

Теперь каждый увидел другое мгновение.

Реку.

Лес.

Невидимый мост.

Море над облаками.

Снова другое.

И другое.

Си тихо сказала:

— Она показывает то, что мы помним.

Га смотрел на отражения.

— Не совсем.

— Почему?

— Посмотри внимательнее.

В одном из воспоминаний Си вдруг заметила то, чего не замечала тогда.

Маленький золотой отблеск в листьях.

В другом Га увидел движение облака, на которое в тот момент не обратил внимания.

Зе в сцене с клубничным ветром обнаружил, что на самом дальнем краю долины всё это время находился крошечный синий цветок.

— Я его не видел!

— Но он был, — сказала Си.

— Значит, память может показать больше, чем мы тогда заметили?

Серебряные круги исчезли.

Луна впереди стала чуть ярче.

И Си вдруг поняла.

— Может быть, она не просто отражает.

— А что? — спросил Зе.

— Она возвращает нам то, на что мы уже смотрели… чтобы мы увидели снова.

Га кивнул.

— Но уже другими.

Зе сел прямо на серебряную дорожку.

— Подождите.

Он очень серьёзно нахмурился.

— Если я сегодня вспомню вчерашнего себя…

— Да?

— …то вчерашний я уже не сможет вспомнить сегодняшнего меня.

Си моргнула.

Га моргнул.

Зе подождал.

— Ну?

— Это действительно так, — признал Га.

— Я знал.

— И что из этого следует?

Зе сиял.

— Пока ничего. Но красиво.

Они пошли дальше.

С каждым шагом облако становилось всё меньше.

И всё же они не чувствовали, что удаляются от дома.

Скорее дом оставался внутри их поля зрения.

Маленьким.

Знакомым.

Тёплым.

Как точка, которую не нужно постоянно проверять, чтобы знать — она есть.

Серебряный путь начал подниматься.

Звёзды вокруг казались ближе.

Луна — больше.

Но всё ещё очень далеко.

— Надеюсь, письмо не означало, что нам надо идти всю дорогу пешком, — сказал Зе.

В ту же секунду дорожка под ними качнулась.

— Не говори такого! — Си расправила крылья.

Серебряная линия поднялась волной.

Га, Си и Зе вместе взлетели.

Дорога больше не была дорогой.

Она стала потоком лунного света.

Он нёс их вперёд.
Мягко.
Без спешки.
Ли высунулся из шерсти Зе.
— Лииииии!
— Да! — закричал Зе. — Вот это уже нормальная почта!
Ветер шёл навстречу.
Но чем ближе они становились к Луне, тем страннее он себя вёл.
Он не толкал.
Не свистел.
Он словно становился тише.
Даже свет вокруг изменился.
Всё казалось более ясным, но менее резким.
Границы облаков растворялись.
Тени становились серебряными.
А потом впереди возникла огромная дуга.
Это был край Луны.
Не маленький круг на небе.
Не отражение.
Перед ними поднимался целый мир.
Зе перестал смеяться.
Си медленно вдохнула.
Га смотрел вперёд, не моргая.
Они уже бывали рядом с Лунным садом.
Но теперь всё ощущалось иначе.
Тогда Луна была местом, которое открылось перед ними.
Теперь казалось, что они приближаются к чему-то гораздо большему.
К пространству, которое умеет отражать.
Хранить следы.
Меняться.
Возвращаться.
И каждый раз быть немного другим.
Серебряный поток начал замедляться.
Перед ними появилась тонкая светящаяся арка.
Та самая, которую они только что видели внутри капли Ли.
Над ней не было никаких надписей.
Но когда Га приблизился, на поверхности света возникло его собственное отражение.
Когда подошла Си — рядом появилось её.
Когда Зе сунул морду между ними — возникла третья.
Зе удовлетворённо сказал:
— Значит, адрес правильный.
Арка раскрылась.
За ней лежала серебряная дорога.
Но совсем не та, по которой они прилетели.
Эта уходила внутрь огромного лунного пространства.
Далеко впереди мерцали сады.
Белые равнины.
Серебряные реки.
Незнакомые светящиеся области.

А ещё дальше было что-то, что невозможно было разглядеть.
Зе посмотрел на друзей.
— Ну что?
Га улыбнулся.
Си расправила крылья.
Ли высунул оба листика.
— Ли.
Зе сделал первый шаг.
— Тогда я первый.
— Почему? — спросила Си.
— Потому что если там дают письма, я хочу узнать, дают ли там ответы.
Он задумался.
— Хотя…
Зе посмотрел на Луну под лапами.
— После сегодняшнего я уже не уверен, что хочу ответ.
Га удивлённо поднял уши.
— Зе?
— Что?
— Ты сейчас сказал очень разумную вещь.
Зе остановился.
— Правда?
— Да.
— Тогда подождите.
Он закрыл глаза.
Глубоко вдохнул.
Постоял.
А потом торжественно сказал:
— Всё. Больше сегодня не буду. Надо сохранить равновесие.
Си расхохоталась.
Серебряное пространство вокруг них ответило множеством тихих световых волн.
Будто Луна тоже услышала.
И где-то далеко впереди один за другим начали загораться маленькие огни.
Не дорога.
Не указатели.
Скорее приглашение продолжать.
Га, Си и Зе пошли к ним.
А позади, высоко над их родным облаком, Луна по-прежнему сияла в ночном небе.
Та же самая.
И уже совсем другая.
Письмо было прочитано.
Хотя в нём не оказалось ни одной буквы.
И, возможно, именно поэтому они запомнили его целиком.
А впереди их ждала Луна.
Не на небе.
Изнутри.

Глава 26

В гостях у Луны

Серебряная дорога уходила далеко вперёд.

Га, Си и Зе шли по ней медленно.

Не потому, что устали.

Просто здесь почему-то совершенно не хотелось спешить.

Даже Зе.

Хотя первые несколько минут он честно пытался.

Он пробежал вперёд, остановился, оглянулся, подождал друзей, снова пробежал, снова остановился…

А потом обнаружил, что каждый раз оказывается почти на том же расстоянии от Га и Си.

— Здесь дорога какая-то неправильная, — сообщил он.

— Почему? — спросила Си.

— Я иду быстрее, а быстрее не становится.

Га посмотрел назад.

Арка, через которую они вошли, всё ещё была видна.

Но она не уменьшилась.

Он посмотрел вперёд.

Далёкие серебряные сады тоже будто оставались на месте.

— Может быть, здесь расстояние зависит не только от шагов.

Зе остановился.

— А от чего ещё должно зависеть расстояние?

Си улыбнулась:

— Мы это уже спрашивали.

— И мне до сих пор не нравится ответ.

Ли высунул два серебряных листика из зелёной шерсти Зе.

— Ли.

— Вот. Ли тоже считает, что расстояние должно вести себя прилично.

Ли качнулся.

— Ли-и.

— Не отказывайся теперь.

Они пошли дальше.

Под лапами не было ни камней, ни земли.

Поверхность Луны здесь казалась почти белой, но временами становилась серебряной, голубоватой или жемчужной — в зависимости от того, с какой стороны на неё смотреть.

Слева поднимались низкие круглые холмы.

Справа лежала гладкая равнина.

В ней отражалось небо.

Зе долго смотрел туда.

Потом остановился.

— Га.

— М-м?

— Почему звёзды под нами?

Га посмотрел вниз.

Действительно.

В серебряной равнине сияли звёзды.

Точно такие же, как над ними.

Си подошла ближе.
— Она отражает небо.
— Я знаю, что такое отражение.
— Ты сегодня часто это говоришь.
— Потому что вы сегодня часто объясняете мне то, что я знаю.
Зе шагнул на гладкую поверхность.
Звезда под его лапой задрожала.
Он сделал ещё шаг.
Звёзды разошлись кругами.
— Ага!
Он прыгнул.
По всей равнине побежали волны.
Небо под ногами закачалось.
— Зе! — засмеялась Си.
— Что?
— Ты трясёшь звёзды.
Зе замер.
Посмотрел вниз.
Очень осторожно поднял одну лапу.
Поставил.
Круги снова разошлись.
— Простите.
Он наклонился к отражению.
— Я нечаянно.
Одна звезда под ним мигнула.
Зе выпрямился.
— Она меня простила.
— Откуда ты знаешь? — спросил Га.
— Мигнула.
— Может, просто мигнула.
— Га, иногда ты совершенно не умеешь принимать очевидное.
Га вздохнул.
И они пошли дальше по серебряной глади.
Через некоторое время Си заметила странную вещь.
— Подождите.
Она остановилась.
Её отражение тоже остановилось.
Га и Зе подошли.
— Посмотрите на нас.
— Я и так на нас смотрю, — сказал Зе.
— Вниз.
В серебряной поверхности отражались трое Лампа-Папи.
Голубой.
Лиловый.
Зелёный.
Но отражения выглядели немного иначе.
Не цветом.
Не формой.
Скорее состоянием.

Отражённый Га казался совершенно спокойным.
Даже спокойнее настоящего Га.
Отражённая Си смотрела куда-то в сторону, будто замечала что-то невидимое остальным.
А отражённый Зе…
Зе нахмурился.
— Почему я там такой серьёзный?
Си прыснула.
— Может быть, это скрытая сторона твоей личности.
— Неправда.
Отражённый Зе неожиданно улыбнулся.
Настоящий Зе не улыбался.
Все трое замерли.
— Ты это сделал? — тихо спросила Си.
— Нет.
Отражение снова стало серьёзным.
А потом повернуло голову.
Настоящий Зе всё ещё смотрел прямо.
— Га…
— Вижу.
Га присел возле поверхности.
Его отражение тоже присело.
Но спустя мгновение подняло голову к небу.
Га этого не делал.
Си медленно сказала:
— Может быть, она показывает не нас сейчас.
— А кого? — спросил Зе.
— Нас… рядом с каким-то другим мгновением.
Зе задумался.
— Луне очень нравится показывать всё не прямо.
— Похоже на то.
Он постучал лапой по поверхности.
— А можно один раз нормально?
Отражение Зе тоже постучало.
Потом приложило лапу к груди.
И исчезло.
На его месте осталась только зелёная светящаяся точка.
Следом исчезло отражение Си.
Лиловая точка.
Потом Га.
Голубая.
Три точки поплыли по серебряной поверхности.
Они то сходились, то расходились.
Между ними возникали тончайшие линии света.
— Опять рисунок, — сказала Си.
— Или карта, — добавил Га.
— Или рецепт, — сказал Зе.
— Рецепт чего?
— Пока не знаю. Но если в конце появится клубничный ветер, я был прав.
Точки двинулись быстрее.

И вдруг вся гладкая равнина изменилась.
Отражение неба исчезло.
Перед троими словно раскрылось огромное окно.
Они увидели своё облако.
Далеко-далеко.
Так маленько, что Зе сначала решил, будто это комочек воздушного крема.
Потом изображение сменилось.
Река, текущая вверх.
Потом — говорящий лес.
Потом — море над облаками.
Потом — Лунный сад.
Но теперь эти места не появлялись по отдельности.
Между ними проходили тонкие серебряные линии.
Не прямые.
Живые.
Дрожащие.
Как если бы один опыт продолжался в другом.
Си перестала дышать на несколько мгновений.
— Га…
— Да.
— Это похоже…
— На связи.
Зе лёг животом на серебряную поверхность и уставился вниз.
— А почему между лесом и ветром линия ярче?
— Может быть, потому что мы уже заметили связь между ними.
— А между дверью и зеркалом?
— Тоже.
Он перевёл взгляд на другое место.
Некоторые линии были почти невидимыми.
Другие вспыхивали ярко.
А несколько мест вообще пока ни с чем не соединялись.
Зе ткнул лапой в одно из них.
— А это?
Серебряная поверхность задрожала.
Вместо ответа появился неизвестный звёздный купол.
Внутри него вспыхнули быстрые золотистые огни.
Изображение исчезло.
— О!
Зе ткнул снова.
Теперь появился огромный сад, залитый мягким розовато-золотым светом.
Он исчез ещё быстрее.
— Ещё!
Зе уже поднял обе лапы.
Си успела перехватить его.
— Не надо тыкать во всё подряд.
— Почему?
— Потому что ты сейчас прочитаешь конец книги.
Зе замер.
Медленно убрал лапы.

— Это серьёзный аргумент.

Га улыбнулся.

В этот момент серебряная равнина снова стала обычным отражением неба.

Будто ничего не происходило.

— Кажется, Луна показывает не будущее, — сказала Си.

— А что?

— Возможные места связи.

— Это звучит почти одинаково.

Га покачал головой.

— Не совсем. Будущее как готовая дорога — одно. А то, что может открыться, когда мы туда придём, — другое.

Зе посмотрел на него.

— Я хочу туда, где сад.

— Конечно.

— Там было красиво.

— Ты увидел его меньше секунды.

— Мне хватило.

Они сошли с серебряной равнины.

Перед ними начинался настоящий сад.

Не тот, который они видели в первый раз.

Этот был совсем другим.

Здесь почти не было обычных растений.

Из поверхности Луны поднимались длинные тонкие стебли из света.

На их концах находились круглые прозрачные листья.

Каждый лист отражал что-нибудь своё.

В одном — голубое утро.

В другом — дождь.

В третьем — чей-то смех.

В четвёртом — пустое облако.

Зе подошёл к ближайшему.

В листе отражалась огромная миска воздушного крема.

— Вот это сад!

Он протянул лапу.

Изображение изменилось.

Теперь там была маленькая зелёная Лампа-Папи, сидевшая в воздушном креме по уши.

Си рассмеялась.

— Это ты.

— Я вижу.

— Когда это было?

Зе задумался.

— Не было.

Все посмотрели на лист.

— Точно? — спросил Га.

— Я бы запомнил.

Лист задрожал.

Изображение исчезло.

— Значит, не воспоминание, — сказала Си.

Она коснулась другого листа.

Там появилась она сама — совсем маленькая, ещё в том состоянии, когда мир вокруг будто только начинал формироваться.

Си отдёрнула лапу.

Картинка исчезла.

— А это уже было?

Она долго молчала.

— Не знаю.

Га подошёл к третьему листу.

В нём не появилось никакой картинки.

Только ощущение.

Тёплое.

Спокойное.

Знакомое.

Дом.

Га прикрыл глаза.

— Здесь не всё хранится картинками.

Си коснулась листа рядом.

Ей вдруг стало смешно.

Без причины.

Она засмеялась.

Зе тут же тоже.

— Что там?

— Не знаю!

— Тогда дай мне!

Он ткнулся носом в лист.

И немедленно стал очень серьёзным.

Си рассмеялась ещё сильнее.

— Что?

— Мне почему-то хочется посидеть.

Он сел.

Помолчал.

Потом сказал:

— Очень странный куст.

— Это не куст.

— Тем более.

Ли выбрался из его шерсти и подошёл к самому маленькому серебряному листику.

Коснулся.

— Ли.

На листе появилась серебряная искра.

Потом ещё одна.

Потом тот момент, когда Ли впервые оказался рядом с ними.

Зе ахнул.

— Это ты помнишь?

— Ли.

Изображение сменилось: Ли возле говорящего леса.

Потом Ли в облаке.

Потом Ли сейчас.

И последнее изображение продолжало двигаться одновременно с настоящим Ли.

— Это уже не память, — заметил Га.

Си смотрела на лист.
— Может быть, здесь всё складывается не по принципу «было — есть».
— А как?
Она задумалась.
— По принципу «оставило след».
Га посмотрел на сад.
Сотни прозрачных листьев тихо двигались.
Каждый ловил свет.
Один и тот же лунный свет.
Но ни один не отражал его совершенно одинаково.
— Тогда это сад следов.
Зе поднял уши.
— Следов чего?
— Всего, что прошло через нас.
Зе медленно осмотрел себя.
— У меня очень много места.
— Вижу.
— Га!
Один из серебряных листьев рядом с ним вдруг показал тот самый момент.
Зе смотрит на себя и говорит: «У меня очень много места».
Трое замолчали.
Зе медленно повернулся к листу.
— Эй.
Лист продолжал показывать происходящее.
— Ты уже записываешь?
Изображение слегка дрогнуло.
— Это незаконно.
Си согнулась от смеха.
Га тоже не выдержал.
Лист показал и это.
— Всё! — объявил Зе. — Я ухожу из сада.
Он демонстративно отвернулся.
И сразу увидел впереди серебряный стол.
Низкий.
Круглый.
Вокруг него стояли три мягких светлых облака вместо стульев.
На столе лежали три прозрачные чаши.
Зе остановился.
— Я передумал.
— Быстро, — сказала Си.
— Здесь угощение.
Они подошли.
В чашах ничего не было.
Зе заглянул в первую.
— Пусто.
Он понюхал.
— Нет.
Ещё раз.
— Там что-то есть.

Си тоже наклонилась.
Из чаши пахло…
вечером.
Не каким-то конкретным запахом.
Скорее ощущением вечера после тёплого дня.
Га попробовал воздух из второй чаши.
Он был прохладным и тихим.
Как свет перед рассветом.
Зе сунул нос в третью.
Его глаза расширились.
— О!

— Что?
Он втянул воздух ещё раз.
— Ночь после дождя.
Си улыбнулась.
— Ты уверен?
— И чуть-чуть облачного крема.
— Конечно.
Они попробовали все три чаши.
Каждая менялась.
Стоило сделать новый глоток воздуха — возникал другой вкус.
Не ягодный.
Не сладкий.
Не солёный.
Вкус состояния.
Тёплый дом.
Дорога.
Ожидание.
Первый шаг.
Возвращение.
Тишина после смеха.
Смех после тишины.
Зе долго сидел над своей чашей.
Потом сказал:
— Луна кормит воспоминаниями?
Си подумала.
— Не воспоминаниями.
— А чем?
— Тем, что осталось внутри после них.
Зе сделал ещё глоток.
Закрыл глаза.
— Тогда это вкусно.
И тут что-то тихо зашуршало.
Из-за серебряного стебля появился…
синий носок.
— Плим.
Зе открыл глаза.

— НЕТ.

Носок остановился.
— Плим?
— Как ты сюда попал?!
Носок подпрыгнул.
— Плим.
Следом медленно показались два огромных белых пушистых уха.
Пуш.
Одно ухо чуть наклонилось.
Второе — тоже.
— Вы тоже приглашены? — спросила Си.
Пуш ничего не сказал.
Зато рядом с ним пространство стало таким тихим, что внезапно стали слышны очень далёкие звуки.
Лёгкое потрескивание серебряных листьев.
Движение лунного света по поверхности.
Какой-то далёкий звон.
Зе ткнул пальцем в носок.
— Я хочу ответ.
Носок наклонился.
— Плим.
— Это не ответ.
— Плим.
— Это одно и то же слово.
— Плим.
Зе повернулся к друзьям.
— Он издевается.
Пуш слегка шевельнул ушами.
И в полной тишине едва заметное «плим» вдруг разнеслось далеко по саду.
От одного серебряного листа к другому.
Плим.
Плим.
Плим.
Плим.
Каждый раз звук становился чуть другим.
Где-то выше.
Где-то глубже.
Где-то длиннее.
Где-то почти превращался в песню.
Га прислушался.
— Луна отражает не только свет.
Си тоже замерла.
— Звук.
Носок гордо выпятился.
— Плим.
И сад снова ответил:

Плим.
Плим.
Пли-и-им.
Лим.
Им.

М.

Зе открыл рот.

— *О.*

Пуш наклонил одно ухо.
Каждый новый звук становился заметнее.
Как будто тишина освобождала ему место.
И вдруг Га услышал ещё что-то.
Не «плим».
Тихий смех.
Очень знакомый.
Откуда-то издалека.
Потом голос Зе:
— Я этот вкус уже где-то встречал.
Потом Си:
— Она показывает движение.
Потом его собственный голос:
— Не держи.
Все трое замерли.
Звуки возникали один за другим.
Их собственные слова.
Не все.
Только некоторые.
Короткие фразы, оставившие след.
— Это мы, — сказала Си.
Лунный сад тихо повторил:
— …мы…
Си посмотрела вверх.
— Она помнит звуки.
— Следы звуков, — поправил Га.
— Какая разница? — спросил Зе.
И сразу вокруг них со всех сторон ответило:
— Какая разница?..
— …разница?..
— …ница?..
Зе нахмурился.
— Перестаньте.
— …перестаньте…
Он медленно посмотрел на Пуша.
Пуш выглядел совершенно невинно.
Насколько вообще могут невинно выглядеть два огромных уха без тела.
— Это ты?
Уши слегка приподнялись.

— Ясно.
Га подошёл к ближайшему серебряному стеблю.
Он понял, что листья не только показывали следы.
Некоторые хранили звуки.
Другие — свет.
Третьи — движение.
Некоторые вообще не удавалось понять.
Он коснулся одного.
И вдруг почувствовал, как всё внутри него стало очень медленным.
Не тело.
Восприятие.
Между двумя мыслями появилось огромное пространство.
Он убрал лапу.
Обычный ритм вернулся.
— Здесь хранятся ещё и состояния.
Си подошла.
— Значит, Луна не просто зеркало.
Га посмотрел вокруг.
— Она как пространство, в котором что-то может остаться.
Зе поднял лапу.
— Вопрос.
— Да?
— Если здесь всё остаётся…
Он указал на бесконечный сад.
— …кто потом всё это убирает?
Си закрыла глаза.
Га опустил голову.
Носок сказал:
— Плим.
Пуш шевельнул ушами.
Ли:
— Ли.
Зе осмотрел всех.
— Я задал нормальный вопрос.
Сад ответил его голосом:
— Нормальный вопрос…
— …вопрос…
— …прос…
Зе вздохнул.
— Мне здесь начинает не нравиться акустика.
Именно тогда они впервые услышали низкий серебряный гул.
Очень далеко.
Он пришёл не сверху и не снизу.
Скорее сразу со всех сторон.
У-у-у-у…
Тонкий свет пробежал по поверхности сада.
Листья повернулись в одну сторону.
Серебряные стебли слегка наклонились.
Чаши на столе задрожали.

Си посмотрела вдаль.
— Что это?
Ли выпрямился.
— Ли.
Пуш поднял оба уха.
Даже носок замолчал.
Гул повторился.
Чуть громче.
У-у-у-у-у…
И где-то за садом поднялась огромная серебряная волна.
Не из воды.
Из света.
Она прошла по лунному пространству.
Не разрушая ничего.
Но всё, к чему она прикасалась, начинало звучать.
Камни.
Сады.
Серебряная дорога.
Воздух.
Даже их шерсть.
У Га зазвенели голубые кончики.
У Си — лиловые.
У Зе зелёная шерсть издала:
— Бззззынь.
Он медленно посмотрел на себя.
— Нет.
Вторая волна прошла ближе.
БЗЗЗЗЫЫЫЫНЬ.
Зе прижал лапы к бокам.
— Я не хочу быть музыкальным инструментом.
Си смеялась.
— Поздно.
Га тоже улыбался, но продолжал вслушиваться.
С каждой волной лунное пространство становилось более звучащим.
Как будто всё, что до этого хранилось тихо, постепенно начинало отзываться.
Память.
Свет.
Движение.
Голоса.
Ритмы.
Их собственные следы.
Чужие неизвестные следы.
Сотни.
Тысячи.
Пока ещё тихо.
Но всё больше.
Си перестала смеяться.
— Га…
— Да.

— Здесь становится громче.
Зе поднял голову.
Издалека уже шли новые волны.
Одна.
Вторая.
Третья.
А сад отвечал каждой из них.
Серебряные листья заговорили шорохом.
Равнина — низким гулом.
Чаши — стеклянным звоном.
Звёздные отражения — тонкими высокими нотами.
Где-то далеко множество сохранённых голосов начинало просыпаться одновременно.
Зе посмотрел на Пуша.
— Ты ведь умеешь освобождать звуку место?
Одно ухо Пуша наклонилось.
— Отлично.
Зе указал на весь лунный горизонт.
— Кажется, сейчас понадобится **очень много места**.
В этот момент над садом прошла ещё одна серебряная волна.
И Луна запела.
Сразу тысячами голосов.
Га, Си и Зе замерли.
Потому что ещё несколько минут назад они думали, что приехали в гости к тихой Луне.
Они очень ошибались.

Глава 27

Когда Луна стала слишком громкой

Луна пела.

Нет.

Слово **«пела»** было слишком маленьким.

Пела серебряная равнина.

Пели прозрачные листья.

Пели чаши на столе.

Пели дорожки.

Пели отражения звёзд.

Пели следы прежних шагов.

Пели звуки, когда-то сказанные и давно забытые.

Пели состояния.

Пели движения.

Пела даже зелёная шерсть Зе.

— БЗЗЗЗЫЫЫНЬ!

Зе подпрыгнул.

— Опять!

Си прижала лапы к ушам, но тут же обнаружила, что это почти бесполезно.

Звук приходил не только снаружи.

Он ощущался внутри.

Как будто всё, что Луна когда-либо отражала, сохраняло крошечную способность однажды снова отозваться.

И сейчас почему-то решило отозваться **одновременно**.

Из серебряного сада донёсся знакомый голос:

— Я этот вкус уже где-то встречал…

Потом другой:

— …освободить ему место…

Ещё дальше кто-то смеялся.

Где-то шумела река.

Где-то шелестел говорящий лес.

Откуда-то снизу раздалось:

— Плим.

И тут же тысячи серебряных листьев ответили:

— Плим…

— плим…

— пли-и-им…

— им…

— м…

Зе медленно повернулся к синему носку.

— Даже не думай.

Носок молчал.

Он явно старался.

Но через несколько мгновений не выдержал:

— Плим.

Луна взорвалась эхом.
ПЛИМ! ПЛИМ! ПЛИМ! ПЛИМ!
Зе схватился за голову.
— Всё! Я официально запрещаю ему разговаривать!
Носок обиженно сел.
Пуш поднял оба огромных белых уха.
Одно повернулось к звенящему саду.
Второе — к далёким серебряным равнинам.
На несколько мгновений вокруг них стало тише.
Совсем чуть-чуть.
Как будто в огромной стене звука появилось маленькое отверстие.
— О! — воскликнул Зе.
Эхо немедленно ответило:
— О-о-о-о-о-о!
— Не говори, — прошептала Си.
— Ой.
— …ой… ой… ой…
Зе зажал себе рот лапами.
Га стоял совершенно неподвижно.
Он пытался понять, откуда приходит основная волна.
Но это оказалось невозможно.
Звук не имел одного источника.
Стоило прислушаться к саду — становилось слышно море.
Стоило обратить внимание на море — отзывались далёкие камни.
За ними возникали голоса.
За голосами — музыка.
За музыкой — тихий стук.
За стуком — чей-то смех.
Всё было связано со всем.
И сейчас эта связь перестала быть красивой тонкой сетью.
Она превратилась в огромное:
СЛЫШЬ МЕНЯ!

Га закрыл глаза.
Это не помогло.
Тогда он вспомнил Пуша.
Не то, как тот выглядел.
А то, что они поняли рядом с ним.
Тишина не уничтожала звук.
Она освобождала ему место.
Га открыл глаза.
— Пуш.
Оба уха повернулись к нему.
Га указал на серебряный сад.
Потом на равнину.
Потом на далёкую светящуюся волну.
— Здесь слишком много звуков.
Пуш слегка наклонился.
— Мы не успеваем услышать ни один.

Одно ухо медленно расправилось.
Потом второе.
И Пуш стал…
больше.
Не толще.
Не выше.
Просто его присутствие распространилось дальше.
Тишина пошла от него кругами.
Первый круг коснулся стола.
Чаши перестали звенеть одновременно.
Теперь одна звучала.
Потом пауза.
Потом вторая.
Потом третья.
Второй круг дошёл до серебряных растений.
Тысячи листьев перестали шептать разом.
Один лист.
Пауза.
Другой.
Пауза.
Третий.
Зе осторожно убрал лапы от ушей.
— Лучше.
Си кивнула.
Но далеко за садом уже поднималась новая серебряная волна.
Она была гораздо больше предыдущих.
— Пуш…
Волна пришла.
Сначала они увидели свет.
Потом почувствовали движение.
И только потом услышали.

УУУУУУУУУУУУУУ...

Тишина Пуша дрогнула.
Серебряные растения выгнулись.
Равнина зазвучала.
Где-то далеко одновременно поднялись тысячи воспоминаний.
Не только их.
Чужих.
Совершенно незнакомых.
Смех.
Плач.
Шёпот.
Звон.
Шаги.
Песни.
Вздохи.
Шорох крыльев.
Удары дождя.

Какие-то слова на языках, которых Лампа-Папи не знали.
Хотя они понимали множество языков, здесь смысл вообще не всегда находился в словах.
Некоторые звуки были такими древними, что уже перестали быть похожи на речь.
Они просто несли состояние.
Один заставлял грудь становиться тяжёлой.
Другой — наоборот, расширял её.
Третий был похож на ожидание.
Четвёртый — на возвращение.
Пятый…
Зе вдруг сел.
— Я знаю этот.
Си повернулась к нему.
— Какой?
Он вслушивался.
Среди тысяч звуков шёл очень тихий, почти потерянный:
тук… тук… тук…
Га тоже услышал.
— Сердце.
— Чьё?
Никто не ответил.
Потому что тут же рядом появились ещё десятки ритмов.
Быстрее.
Медленнее.
Неровнее.
Мягче.
И через несколько мгновений весь сад превратился в огромную ткань биений.
тук-тук… тук… тук-тук-тук… тук…
Си закрыла глаза.
— Они все разные.
Га кивнул.
— Но сейчас мы слышим их вместе.
Зе нахмурился.
— А зачем Луна всё это сохраняет?
Вопрос прозвучал тихо.
Но на этот раз эхо не повторило его.
Пуш удерживал вокруг них маленькое пространство.
Внутри него вопрос остался вопросом.
Не стал сотней копий.
И поэтому они действительно услышали его.
Га посмотрел на Луну под лапами.
— Может быть, она ничего не «решает» сохранять.
— Тогда почему оно остаётся?
Си провела лапой по серебряной поверхности.
В ней появилась тонкая волна.
— Потому что что-то проходит через пространство и оставляет след.
— Всё?
— Наверное, не всё одинаково.
Зе посмотрел на лес светящихся листьев.
— А если следов становится слишком много?

В этот момент сад снова загудел.
Зе показал лапой:
— Вот.
Га сел рядом с ним.
— Тогда, может быть, дело не в том, что следов слишком много.
— А в чём?
Га долго молчал.
Си посмотрела на него.
— В том, что они все требуют внимания одновременно?
Га поднял глаза.
— Да.
Зе задумался.
— Значит, Луна сейчас не слишком громкая.
— А какая?
— Слишком вся сразу.
Си улыбнулась.
— Очень точно.
Зе гордо поднял уши.
— Запишите.
Серебряный лист рядом с ним тут же вспыхнул.
На нём появился Зе, говорящий:
— Луна сейчас не слишком громкая. Она слишком вся сразу.
Зе увидел.
— Нет!
Лист послушно погас.
— О.
Он подошёл ближе.
— Ты меня понял?
Лист молчал.
— Тогда… пожалуйста, не записывай всё.
Ничего не произошло.
Зе посмотрел на Си.
— Кажется, он согласен.
Си рассмеялась.
И тут произошла странная вещь.
Её смех не разлетелся эхом.
Он прозвучал один раз.
Ясно.
Просто.
И исчез.
Си перестала смеяться.
— Вы слышали?
Га кивнул.
Пуш тоже.
Его уши стояли широко раскрытыми.
Но теперь вокруг них было уже не маленькое тихое пятно.
Тишина стала глубже.
Она не отрезала внешний мир.
Наоборот.

Теперь отдельные звуки стали различимы.
Вот далеко шуршит серебряное растение.
Вот капля света касается поверхности.
Вот Ли передвигает маленькую лапку.
— Ли.
Вот носок очень тихо:
— …плим.
Зе посмотрел на него.
Носок застыл.
— Ладно. Этот был хороший.
Плим слегка подпрыгнул.
Но новая волна уже приближалась.
И на этот раз вместе с ней шло нечто ещё.
Светлая дрожь пробежала по всей Луне.
Сад на несколько мгновений стал прозрачным.
И Га увидел…
не поверхность.
Не растения.
Не серебряные дорожки.
А огромное множество отражений, лежащих одно под другим.
Будто Луна состояла из слоёв.
Один слой хранил движение.
Другой — звук.
Третий — свет.
Четвёртый — формы.
Пятый — следы состояний.
А дальше были такие, которым Га вообще не мог дать названия.
Си тоже смотрела.
Её глаза стали огромными.
— Там… очень много.
Зе подошёл ближе.
— Сколько?
— Не знаю.
— Больше семи?
Си посмотрела на него.
— Намного.
— Тогда серьёзно.
Слои начали просвечивать друг через друга.
И именно тогда стало понятно, почему Луна звучала так громко.
Не потому, что появился один огромный шум.
А потому, что слишком много слоёв на мгновение **совпали**.
Как сотни прозрачных картинок, наложенных одна на другую.
Как если бы тысяча песен одновременно попала в одну точку.
Как если бы каждый след вдруг решил напомнить:
я тоже здесь.
Зе осторожно сказал:
— А можно их… раздвинуть?
Га посмотрел на Пуша.
— Наверное, не нам.

— Почему?
— Потому что это Луна.
Зе нахмурился.
— Мы же в гостях.
— Вот именно.
Си поняла первой.
— Мы не должны чинить Луну.
Зе замер.
— А она сломалась?
— Нет.
— Тогда почему мы всё время пытаемся понять, что с ней делать?
Га улыбнулся.
— Хороший вопрос.
Новая световая волна достигла сада.
Слои снова совпали.
Звук усилился.
Но теперь трое не бросились искать источник.
Они сели рядом.
Га.
Си.
Зе.
Ли устроился между лапами Зе.
Пуш остался чуть позади.
Носок лёг рядом.
Они просто слушали.
Сначала было тяжело.
Звук всё время тянул внимание.
Вот голос.
Вот музыка.
Вот знакомый шорох.
Вот неизвестное движение.
Вот серебряный звон.
Каждый звук будто говорил:
сюда.
Потом следующий:
нет, сюда.
Потом ещё:
а я?
Зе открыл один глаз.
— Они все хотят, чтобы я их слушал.
Си тихо сказала:
— А ты не обязан.
— Почему?
— Потому что слушать всё сразу невозможно.
Зе подумал.
Закрыл глаз.
Прошло несколько мгновений.
Он услышал звон.
Не пошёл за ним.

Появился чей-то смех.
Не пошёл.
Шорох.
Не пошёл.
Голос.
Не пошёл.
И вдруг среди всей огромной Луны остался один звук.
Очень простой.
Дыхание Си.
Зе открыл глаза.
Си сидела рядом.
Он улыбнулся.
Потом услышал Га.
Тихое движение его крыла.
Ли.
— ли…
Пуш.
У которого звука почти не было.
И собственное дыхание.
Огромная Луна всё ещё звучала.
Но теперь Зе не был внутри каждого её звука.
Он сидел здесь.
В одном месте.
В одном мгновении.
— О.
Си посмотрела на него.
— Что?
— Можно не идти за каждым звуком.
— Да.
— Даже если он интересный?
— Даже если очень интересный.
Зе выглядел потрясённым.
— Это новая способность.
Га засмеялся.
— Для тебя — точно.
Они сидели дальше.
И постепенно что-то стало происходить с самой Луной.
Или с ними.
Сначала отдельные звуки перестали толкаться.
Они появились на разных расстояниях.
Ближние.
Дальние.
Очень дальние.
Некоторые почти исчезли.
Другие остались.
Потом звуки начали складываться в группы.
Серебряный шорох.
Глубокие ритмы.
Высокие звонкие линии.

Тёплые голоса.

Паузы.

Луна всё ещё была огромной.

Но теперь в ней появился порядок.

Не нарисованный.

Не кем-то установленный.

Просто, когда они перестали пытаться услышать всё одинаково сильно, пространство само обрело глубину.

Си прошептала:

— Кажется, громкость тоже бывает расстоянием.

Га повернулся к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— То, чему мы отдаём всё внимание, становится близко.

Зе кивнул.

— А то, чему не отдаём?

— Не исчезает. Просто остаётся дальше.

Зе посмотрел в серебряную даль.

— Значит, не обязательно выгонять звук, чтобы стало тихо.

Пуш слегка шевельнул ушами.

Это было почти как улыбка.

И вдруг огромная серебряная волна, которая всё это время ходила по Луне, дошла до самого края сада…

и остановилась.

Не разбилась.

Не исчезла.

Просто замерла.

Светящаяся дуга стояла вдалеке.

Внутри неё мерцали тысячи следов.

Потом волна медленно опустилась.

Словно Луна выдохнула.

Сад затих.

Не полностью.

Настоящая тишина никогда не была полной пустотой.

Где-то звякнула чаша.

Где-то прошелестел лист.

Далеко прошёл серебряный поток.

Ли сказал:

— Ли.

Носок:

— Плим.

И всё.

Зе очень осторожно спросил:

— Закончилось?

Си прислушалась.

— Кажется.

Зе подождал ещё немного.

— Точно?

Га улыбнулся.

— Ты можешь просто побыть в этом.

— Я проверяю.
— Понимаю.
Зе встал.
Сделал три шага.
Ничего не загремело.
Он подпрыгнул.
Ничего.
Потряс шерстью.
Мягкое:
— дзынь.
Зе застыл.
Си зажала рот лапой.
Га отвернулся.
— Не смейте.
Си уже дрожала от смеха.
— Я сказал не смейте!
Она не выдержала.
Засмеялась.
Га тоже.
Зе стоял посреди серебряного сада и старательно сохранял серьёзное лицо.
Но через несколько секунд сам захохотал.
И на этот раз Луна не повторила их смех тысячей голосов.
Она просто приняла его.
Смех прошёл по пространству маленькой светлой волной.
Коснулся нескольких листьев.
Где-то отозвался одним мягким звоном.
И ушёл.
Как ветер.
Как движение.
Как то, чему не обязательно оставаться навсегда в самом громком виде.
Зе ещё улыбался, когда заметил рядом маленькую серебряную чашу.
Она появилась там, где раньше ничего не было.
Внутри лежала одна капля света.
— Это что?
Си подошла.
Капля была почти прозрачной.
Только по краю шёл тонкий золотисто-розовый отблеск.
Совсем не лунный.
Тёплый.
Мягкий.
Зе понюхал.
— О.
— Что?
Он понюхал ещё раз.
— Здесь красиво пахнет.
Си подняла брови.
— Как может пахнуть красиво?
— Вот так.
Она наклонилась.

И вдруг почувствовала что-то совсем другое.
Тепло.
Цветы.
Мягкость.
Как будто кто-то не просто создал вещь, а долго любовался тем, как она рождается.
Га тоже прикоснулся к краю чаши.
Внутри его возникло чувство гармонии.
Не спокойствия.
Не тишины.
Скорее точного совпадения формы и того, чем она хочет быть.
— Это не Луна, — сказал он.
Зе посмотрел на серебряное небо.
— А кто?
Капля дрогнула.
Розовато-золотой свет поднялся над чашей.
Сначала появился маленький круг.
Потом линия.
Потом несколько тонких дуг, похожих на лепестки.
Из света медленно сформировался цветок.
Не настоящий.
Скорее образ цветка.
Он раскрылся.
В его центре на мгновение вспыхнула яркая золотая точка.
Си задержала дыхание.
— Красиво.
Зе посмотрел на неё.
— Я же говорил.
Цветок повернулся.
Один лепесток вытянулся в сторону далёкого неба.
И там, намного дальше серебряной Луны, вспыхнула мягкая яркая точка.
Га посмотрел.
Знал.
Си тоже узнала.
Зе — чуть позже.
— Это…
Светлая точка стала ярче.
— Венера, — сказала Си.
В тот же миг цветок в чаше сложил лепестки.
Превратился обратно в маленькую золотисто-розовую каплю.
И замер.
Зе долго смотрел на неё.
Потом на Венеру.
Потом снова на каплю.
— Нас опять приглашают?
Га улыбнулся.
— Возможно.
Зе расправил крылья.
— Отлично.
Си посмотрела на него.

— Мы только что выяснили, что не обязательно идти за каждым интересным сигналом.

Зе замер.

Посмотрел на Венеру.

Потом на Си.

Потом снова на Венеру.

— Да.

— И?

Он сел.

Очень серьёзно.

— Я решил сначала посидеть.

Си удивлённо подняла брови.

— Правда?

— Да.

Прошло три секунды.

Зе вскочил.

— Всё. Посидел.

Га расхохотался.

Пуш медленно сложил уши.

Носок подпрыгнул:

— Плим.

Ли:

— Ли!

А над тихой серебряной Луной уже сияла другая точка.

Тёплая.

Золотистая.

Чуть розовая.

Совсем не похожая на лунный свет.

И теперь, когда вокруг наконец стало достаточно тихо, Га, Си и Зе могли почувствовать её особенно ясно.

Не громче.

Просто…

по-другому.

Луна снова стала тихой.

Не потому, что перестала хранить следы.

Не потому, что все звуки исчезли.

А потому, что трое наконец поняли:

не всё, что существует внутри огромного пространства, обязано звучать в тебе одновременно.

Некоторым вещам можно позволить быть далеко.

Некоторым — приблизиться.

А некоторым — просто промелькнуть и уйти.

И тогда среди тысяч голосов вдруг становится слышно новое приглашение.

На этот раз оно пахло цветами.

И вело в **Сад Венеры**.

Глава 28

Сад Венеры

Розовато-золотая капля не стала дорогой.
Она вообще не сделала ничего похожего на то, чего ожидали Га, Си и Зе.
Она просто поднялась над серебряной чашей, повисела несколько мгновений в воздухе… и лопнула.
Совершенно бесшумно.
Из неё вылетело три лепестка.
Один голубоватый.
Один лиловый.
Один зелёный.
Каждый медленно опустился перед своим Лампа-Папи.
Зе поймал зелёный.
Понюхал.
— М-м-м.
Си даже не стала спрашивать.
Она уже знала.
— Красиво пахнет?
— Очень.
Га поднёс свой лепесток ближе к глазам.
По его поверхности проходили тончайшие золотые линии.
Они не образовывали рисунка.
Но стоило повернуть лепесток — линии соединялись.
Возникал цветок.
Ещё поворот — птица.
Ещё — волна.
Ещё — просто несколько световых точек.
— Он меняется, — сказал Га.
Си смотрела на свой.
— Нет.
Га повернулся к ней.
— Что?
— Сам лепесток почти не меняется.
Она немного наклонила его.
Золотые линии перестроились.
— Меняется то, как мы его видим.
Зе немедленно перевернул свой лепесток вверх ногами.
— А так?
На зелёной поверхности появилась совершенно непонятная золотая фигура.
Зе прищурился.
— Похоже на картошку с крыльями.
Си посмотрела.
— Это цветок.
— У тебя цветок. У меня картошка.
— Почему обязательно картошка?

— Потому что я её первым так увидел.
— Ты никогда не ел картошку.
— Тем более. Значит, воображение чистое.
Га засмеялся.
И в этот момент все три лепестка одновременно вспыхнули.
Розовато-золотой свет прошёл по их краям.
Воздух перед троими дрогнул.
Не открылся.
Не разорвался.
Он будто стал мягче.
Как ткань.
Как облако.
Как тонкая завеса из света.
Зе протянул лапу.
Лапа исчезла по запястье.
Он тут же вытащил её обратно.
— Там тепло.
— Что ещё? — спросил Га.
Зе снова сунул лапу.
Подвигал ею.
— И… мягко.
— Воздух не бывает мягким, — сказала Си.
Зе медленно повернулся.
— Мы живём на облаке.
Си подумала.
— Справедливо.
Ли выглянул из его шерсти.
— Ли.
Пуш поднял одно ухо.
Носок сделал шаг к световой завесе.
— Плим.
— Нет, — сказал Зе.
Носок остановился.
— Ты останешься здесь.
— Плим?
— Потому что если в саду Венеры есть красивые вещи, я не хочу всю главу искать там синий носок.
Носок задумался.
Насколько мог задуматься носок.
Потом медленно лёг рядом с Пушем.
— Плим…
— Вот и договорились.
Си улыбнулась.
— Ты разговариваешь с носком так, будто он твой младший брат.
— Нет.
Зе расправил крылья.
— Младший брат хотя бы иногда отвечает разными словами.
Носок обиженно отвернулся.
Га первым прошёл через световую завесу.

Си — за ним.
Зе шагнул последним.
На мгновение всё вокруг стало золотисто-розовым.
Потом цвет исчез.
И трое остановились.
Перед ними был сад.
Но такого сада они ещё не видели.
Он не поражал размером, как остров летающих цветов.
Не сиял серебром, как Лунный сад.
Не разговаривал корнями, как лес.
С первого взгляда здесь вообще не происходило ничего невозможного.
И всё же…
— О-о-о, — тихо сказала Си.
Зе не сказал ничего.
Га тоже.
Перед ними тянулась широкая дорожка.
По обеим сторонам росли деревья.
У каждого была своя форма.
Одно поднимало ветви почти вертикально.
Другое опускало их дугами.
Третье было совершенно круглым.
Четвёртое — асимметричным, с длинной веткой только с одной стороны.
Но вместе они создавали ощущение такой точности, что хотелось смотреть и смотреть.
Между деревьями росли цветы.
Не одинаковые.
Не выстроенные по линейке.
Наоборот.
Большие соседствовали с крошечными.
Пышные — с почти незаметными.
Яркие — с бледными.
Но ни один не мешал другому.
На поверхности маленького пруда лежали широкие розовые листья.
Вода между ними оставалась видна именно там, где это было нужно.
Камни на берегу имели разные размеры.
И почему-то ни один не хотелось переставить.
Зе наконец выдохнул:
— Я боюсь что-нибудь трогать.
Си повернулась к нему.
— Ты?
— Да.
Он осторожно поставил лапу на дорожку.
— Вдруг испорчу.
Га посмотрел вокруг.
Это действительно было необычно.
В других местах мир приглашал исследовать себя движением.
Потрогай.
Подпрыгни.
Скажи.
Поверни.

Пойди.

А здесь первое желание было совсем другим.

Смотреть.

Не потому, что сад казался хрупким.

А потому, что он уже был каким-то удивительно…

законченным.

Си подошла к белому цветку с золотистой серединой.

Он слегка повернулся к ней.

Она остановилась.

Цветок остановился тоже.

Си сделала шаг вправо.

Он повернулся вправо.

— Он следит за мной.

Зе приблизился.

Цветок тут же повернулся к нему.

— Теперь за мной.

Га подошёл с другой стороны.

Цветок дрогнул.

Потом медленно развернул лепестки так, чтобы трое могли видеть его одновременно.

— О, — сказала Си.

Зе сел.

— Вежливый.

Они пошли дальше.

Чем глубже заходили в сад, тем заметнее становилось: здесь ничего не существовало само по себе.

Каждая вещь будто чувствовала соседнюю.

Тонкий высокий цветок слегка наклонялся, освобождая свет низкому.

Куст отращивал ветки не туда, где уже было тесно, а в свободное пространство.

Вода огибала камень не одинаково с двух сторон — одна струя была шире, другая тоньше, и именно поэтому весь поворот выглядел естественным.

Даже ветер здесь не проходил прямо.

Он менял направление у каждого дерева.

Где-то ускорялся.

Где-то замедлялся.

Где-то едва касался листьев.

И из-за этого весь сад звучал.

Не песней.

Не мелодией.

Скорее множеством маленьких согласований.

Ш-ш-ш.

Тинь.

Фф-ф.

Шурх.

Тихий всплеск.

Пауза.

Снова ш-ш-ш.

Си прикрыла глаза.

— Здесь всё слушает всё.

Га кивнул.

— Но не так, как лес.

— Да.

В лесу каждый ответ становился продолжением.

Здесь же было иначе.

Здесь каждый словно спрашивал:

«А как мне быть собой рядом с тобой?»

Зе смотрел на два растения.

Одно было ярко-красным.

Другое — нежно-голубым.

Он подошёл ближе.

— Они вообще не похожи.

Си улыбнулась.

— Поэтому вместе и интересно.

— А если поставить два красных?

— Попробуй.

Рядом лежало несколько маленьких световых лепестков, как будто сад специально услышал вопрос.

Зе взял два красных и положил рядом на камень.

Красиво.

Потом добавил третий.

Тоже красиво.

Четвёртый.

Пятый.

Он посмотрел.

— М-м.

— Что? — спросил Га.

— Теперь красный уже не такой красный.

Си рассмеялась.

— Как это?

— Его слишком много. Я перестал его видеть.

Он убрал четыре лепестка.

Оставил один.

Красный сразу словно вспыхнул.

— Вот.

Га посмотрел на него.

— Значит, иногда что-то становится заметнее рядом с другим.

— А иногда — когда его меньше, — добавила Си.

Зе серьёзно кивнул.

— Хороший сад.

Они добрались до большой круглой площадки.

В центре стояло дерево.

Очень странное.

Его ствол был золотисто-белым.

Ветки расходились во все стороны.

А на каждой росли совершенно разные цветы.

Розовые.

Синие.

Белые.

Тёмно-фиолетовые.

Оранжевые.
Почти прозрачные.
Некоторые огромные.
Другие размером с кончик лапы.
Но дерево не выглядело перегруженным.
Каждый цветок находился именно там, где его было легко увидеть.
Зе обошёл дерево кругом.
— Кто это всё так сделал?
Си тоже смотрела.
— Может быть, оно само так растёт.
— Но откуда дерево знает, куда какой цветок?
Га поднял голову.
Ветки едва заметно двигались.
Один цветок раскрылся.
Соседний чуть прикрылся.
Третий повернулся к солнцу.
И вся композиция изменилась.
Через несколько мгновений — снова.
— Оно не знает готовый ответ, — сказал Га.
— Тогда как?
— Оно всё время чувствует, что происходит рядом.
Зе нахмурился.
— То есть оно всё время переделывает себя?
Си покачала головой.
— Скорее продолжает становиться.
Зе поднял уши.
— О.
Ему понравилось.
Он подошёл ближе к дереву.
Один маленький зелёный цветок раскрылся прямо возле его морды.
— Привет.
Цветок пах воздухом после тёплого дождя.
Зе втянул запах.
— М-м-м.
Он попробовал ещё раз.
— И чуть-чуть…
Си прищурилась.
— Не говори «клубникой».
— Не клубникой.
— Хорошо.
— Грушевым ветром.
— Зе!
— Что? Я честно почувствовал!
Га засмеялся.
Один из золотых цветов на дереве качнулся.
И с его лепестков поднялся лёгкий ветер.
Он действительно пах чем-то свежим и сладким.
Зе победно посмотрел на Си.
— Вот.

— Хорошо. Грушевым ветром.
Они сели под деревом.
Сверху падали не лепестки, а тонкие прозрачные кусочки света.
Каждый, коснувшись земли, превращался в маленькую форму.
Круг.
Спираль.
Дуга.
Линия.
Точка.
Зе поймал спираль.
Она легла ему на лапу.
— Что это?
Си поймала дугу.
— Наверное, просто форма.
— Зачем?
— А зачем цветку быть красивым?
Зе подумал.
— Чтобы смотреть.
— А если никто не смотрит?
Зе застыл.
Он явно не ожидал подвоха.
— Тогда…
Посмотрел на цветок.
Тот спокойно продолжал быть цветком.
— Тогда он всё равно красивый.
Си улыбнулась.
— Вот.
— Но если никто никогда не увидит?
Га сказал:
— Может быть, красота не начинается с того, что её заметили.
Зе посмотрел на него.
— Опять очень га.
— Я стараюсь.
Си подняла прозрачную дугу к свету.
— А когда её замечают, между тобой и ней возникает что-то ещё.
— Что?
— Не знаю.
Она повернула дугу.
На мгновение та вспыхнула золотым.
Си неожиданно улыбнулась.
— Вот это.
Зе наклонился.
— Улыбка?
— Может быть.
Он взял ещё один световой кусочек.
Синий.
Положил рядом с зелёным.
Потом добавил маленький золотой круг.
— А если я сам сделаю красиво?

— Делай, — сказал Га.
Зе оживился.
Он собрал несколько форм.
Разложил на земле.
Сначала круг в центре.
Вокруг — четыре лепестка.
Потом понял, что слишком ровно.
Сдвинул один.
Поставил рядом маленькую точку.
Убрал одну дугу.
Вернул.
Снова убрал.
— Не мешайте.
— Мы молчим, — сказала Си.
— Вы молчите очень наблюдающе.
Си отвернулась, скрывая улыбку.
Зе трудился.
Через некоторое время перед ним лежала маленькая композиция.
Не идеальная.
Один лепесток был чуть дальше остальных.
Золотая точка вообще находилась сбоку.
Но Зе смотрел на неё с явным удовольствием.
— Готово.
Га подошёл.
— Как называется?
Зе задумался.
— «Вот».
— Очень содержательно.
— Спасибо.
Си тоже подошла.
— Почему золотая точка сбоку?
— Потому что там было пусто.
— А почему ты не поставил её в центр?
— В центре и так всё хорошо.
Она посмотрела ещё раз.
— Мне нравится.
Зе расправил крылья.
— Конечно.
И тут сад ответил.
Все лежавшие рядом прозрачные формы приподнялись.
Закружились вокруг композиции Зе.
Он отскочил.
— Я ничего не делал!
Формы двигались несколько мгновений.
Потом снова опустились.
Но уже иначе.
Не копируя рисунок Зе.
Продолжая его.
Один круг стал началом линии.

Линия потянулась к ближайшему кусту.
Куст выпустил новый маленький побег.
Побег изогнулся в ту же сторону, что одна из дуг.
На пруду сдвинулся лист.
В освободившемся месте отразилось золотое небо.
Ветер повернулся.
Один цветок раскрылся.
Вся маленькая часть сада изменилась.
Зе стоял с открытым ртом.
— Он взял моё «Вот».
Си тихо сказала:
— И сделал своё.
Га смотрел, как новая форма распространяется по пространству.
Не как приказ.
Не как точная копия.
Как предложение.
На него ответило другое.
Потом третье.
И сад снова стал целым.
Но уже немного другим.
— Значит, здесь можно создавать, — сказал Зе.
— Конечно, — ответила Си.
— Я думал, здесь нельзя ничего трогать.
— Это ты решил.
Зе посмотрел вокруг.
В самом начале сад казался таким совершенным, что он боялся нарушить его.
Теперь он видел совсем другое.
Сад не был готовой идеальной картинкой.
Он просто умел **принимать новое так, чтобы не потерять себя**.
— А если я сделаю некрасиво? — спросил Зе.
Си подняла брови.
— Нарочно?
— Нет. Просто… получится.
Га задумался.
— Тогда узнаем, что сад с этим сделает.
Зе мгновенно подобрал три случайных формы.
Положил одну на другую.
Сверху поставил длинную кривую линию.
Получилось странно.
Он отошёл.
— Ну?
Ничего.
Сад молчал.
— Ему не нравится.
Си приблизилась.
— Или он ждёт.
Прошла минута.
Кривая линия вдруг чуть сдвинулась.
Один конец лёг на круг.

Другой остался в воздухе.

Рядом пророс маленький белый цветок.

Не симметрично.

Не идеально.

Но неожиданно вся композиция обрела смысл.

Зе ахнул.

— Он не убрал кривое.

— Нет.

— Он нашёл, с чем оно может быть.

Си посмотрела на Га.

Га — на неё.

Это было важно.

Не всё красивое становилось красивым потому, что исправили несовершенство.

Иногда нужно было просто найти ему место, где оно начинало разговаривать с остальным.

Зе сидел перед своей кривой линией очень довольный.

— Я великий художник.

— Ты положил три штуки друг на друга.

— Великие художники умеют останавливаться вовремя.

Они продолжили путь.

Дорожка привела их к маленькому павильону.

Он не был зданием в обычном смысле.

Четыре тонкие светлые колонны держали прозрачную крышу, похожую на лепесток.

Внутри стоял низкий стол.

На нём — чаши.

Много чаш.

Зе остановился.

— О.

Си посмотрела на него.

— Что?

— Венерианское кафе.

Га подошёл ближе.

Чаши были необычными.

Каждая отличалась.

Одна тонкая и высокая.

Другая широкая.

Третья почти плоская.

Четвёртая маленькая.

Пятая имела две ручки.

Шестая — ни одной.

Но каждая была очень красивой.

— Воздух? — спросил Зе.

Он заглянул внутрь первой чаши.

Там действительно ничего не было видно.

Вдохнул.

Глаза расширились.

— Цветочный ветер.

Си попробовала из другой.

— А здесь… утро в саду.

Га — из третьей.
— Тёплый воздух после заката.
Зе побежал вдоль стола.
— Эта!
Вдох.
— Белые цветы!
Следующая.
— Мокрые листья!
Следующая.
— Что-то золотое!
— Золото не пахнет «золотым», — сказала Си.
— Это потому, что ты не умеешь.
Он сунул нос ещё в одну чашу.
Замер.
Сделал второй вдох.
— О-о-о.
— Что там?
Зе очень медленно улыбнулся.
— Воздух, когда тебе кто-то нравится.
Си замерла.
— Что?
— Попробуй.
Она осторожно вдохнула.
На мгновение ничего.
Потом внутри действительно возникло мягкое тепло.
Не направленное на кого-то конкретного.
Просто состояние, в котором мир вдруг хочется рассматривать ближе.
Замечать.
Беречь.
Быть рядом.
— Ух ты, — сказала Си.
Га попробовал тоже.
Его ощущение оказалось другим.
Не тепло.
Скорее желание услышать другого до конца.
Не перебивать.
Оставить пространство.
— Интересно.
Зе посмотрел на них.
— У всех разное?
Си кивнула.
— Но что-то общее есть.
Они попробовали ещё несколько чаш.
Одна пахла радостью встречи.
Другая — удовольствием от хорошо сделанной вещи.
Третья — спокойствием рядом с кем-то.
Четвёртая — красотой, которую хочется показать другому.
Пятая…
Зе сделал вдох.

И внезапно прижал чашу к груди.
— Эту забираю.
— Что там? — спросил Га.
Зе не отдавал.
— Моё.
Си потянулась.
— Дай.
— Нет.
— Зе.
— Там… когда всё получилось так, как ты представлял.
Га улыбнулся.
— Удовлетворение?
— Не знаю.
Зе снова вдохнул.
— Просто очень приятно.
Он поставил чашу обратно.
Немного подумал.
Ещё раз вдохнул.
И всё-таки отошёл.
— Почему не берёшь? — спросила Си.
— Наверное, она здесь нужнее.
Си удивилась.
— Зе?
— Что?
— Ты сегодня второй раз говоришь разумные вещи.
Зе встревожился.
— Это Венера на меня плохо влияет.
Га расхохотался.
В конце стола стояла ещё одна чаша.
Зе сначала прошёл мимо.
Потом вернулся.
— А эта почему здесь?
Она отличалась от остальных.
Совсем чуть-чуть.
Все чаши выглядели сделанными невероятно точно.
А эта…
была кривая.
Один край выше.
Другой ниже.
Ручка немного завалена в сторону.
Дно будто тоже не совсем ровное.
Зе поднял её.
Поставил обратно.
Чаша слегка качнулась.
Тук.
— Хм.
Си подошла.
— Действительно странная.
Га посмотрел.

— Может быть, так задумано.
— Зачем делать кривую чашку среди всех красивых?
Зе снова взял её.
Поднёс к носу.
Вдохнул.
И замолчал.
— Что там? — спросила Си.
Зе не отвечал.
— Зе?
Он сделал ещё один вдох.
Потом посмотрел внутрь.
— Не понимаю.
Га попробовал.
Воздух внутри был совершенно простой.
Без цветочного вкуса.
Без золотого тепла.
Без красивого состояния.
Просто воздух.
Си тоже попробовала.
— Ничего.
Зе прижал чашку к себе.
— А мне нравится.
— Почему?
Он посмотрел на кривую ручку.
Провёл по ней лапой.
— Не знаю.
На секунду все трое замолчали.
Вокруг сиял невероятный Сад Венеры.
Каждый лист.
Каждый цветок.
Каждая линия.
Каждый поворот воды.
Всё было удивительно красивым.
И посреди этой точности Зе стоял с кривой чашкой и почему-то не хотел её выпускать.
Си вдруг улыбнулась.
— Может быть, поэтому.
— Почему?
— Потому что она одна такая.
Зе посмотрел на остальные чаши.
Потом на свою.
— Можно взять?
Никто не ответил.
В павильоне не было хозяина.
Не было таблички.
Не было правил.
Только сад.
Зе осторожно поставил чашу обратно.
— Не буду.
Он сделал несколько шагов.

Остановился.

Вернулся.

Ещё раз посмотрел.

— Но завтра приду.

Га засмеялся.

И в этот момент над павильоном прошёл тёплый ветер.

Все чаши тихо зазвенели.

Дзынь.

Дзинь.

Тинь.

Тон.

А кривая чашка сказала:

тук.

Зе резко повернулся.

— Вы слышали?!

Си уже смеялась.

— Она ещё и звучит криво!

Зе подбежал обратно.

Слегка толкнул чашку.

Тук.

Снова.

Тук.

Тук.

Он был счастлив.

— Я её люблю.

Га поднял уши.

— После трёх «тук»?

— Иногда достаточно одного.

Сад за павильоном тихо шелестел.

И где-то очень далеко тёплая Венера сияла над пространством своим ровным золотисто-розовым светом.

Не как существо, сидящее в центре сада.

Не как хозяйка, раздающая правила красоты.

Её присутствие ощущалось иначе.

В том, как вещи находили друг друга.

Как одна форма не уничтожала другую.

Как пространство позволяло каждому быть заметным.

Как удовольствие могло возникнуть от цвета, звука, запаха, движения, встречи, творчества.

Как красота появлялась не только в совершенном.

Но и в **отношении**.

В том, что происходит между.

Га посмотрел на сад.

Си — на светящиеся цветы.

Зе — исключительно на кривую чашку.

И было совершенно очевидно, что следующим утром он первым делом вернётся именно к ней.

Потому что иногда среди тысячи прекрасных вещей внимание почему-то выбирает одну.

Не самую ровную.

Не самую блестящую.
Не самую правильную.
Просто ту, рядом с которой внутри появляется:
«О. Вот эта».
А Сад Венеры, кажется, уже знал об этом.
Кривая чашка тихо качнулась.
Тук.
Зе немедленно обернулся.
— Я тоже тебя слышу.

И так началась история о том, почему в совершенном Саду Венеры оказалась совершенно несовершенная чашка.

Глава 29

Венера и кривая чашка

Утром Зе проснулся раньше всех.
Это уже было подозрительно.
Ещё подозрительнее было то, что он не стал будить Га и Си.
Не закричал.
Не подпрыгнул.
Не проверил, не выросло ли за ночь что-нибудь необычное.
Он просто открыл глаза, вспомнил вчерашний павильон…
и сразу сказал:
— Тук.
Потом сел.
Посмотрел на спящих друзей.
Ещё раз:
— Тук.
Си открыла один глаз.
— Что?
— Ничего.
— Ты сказал «тук».
— Я думаю.
— Ты думаешь «тук»?
— Сегодня — да.
Га тоже проснулся.
— Чашка?
Зе расплылся в улыбке.
— Чашка.
Си перевернулась на другой бок.
— Я знала.
Через несколько минут все трое уже шли по дорожке Сада Венеры.
Ли сидел у Зе в шерсти.
Пуш остался где-то в серебряных пространствах Луны.
Синий носок тоже исчез.
Что давало надежду провести хотя бы одно утро без слова «плим».
Сад выглядел иначе, чем вчера.
Не радикально.
Просто несколько цветов раскрылись.
Некоторые закрылись.
В одном месте появилась новая тонкая ветка.
В другом исчез лепесток.
На поверхности пруда плавал маленький золотой лист, которого раньше не было.
Зе всё это почти не замечал.
Он шёл к павильону.
— Ты даже не смотришь по сторонам, — сказала Си.
— Я смотрю.
— Куда?
— Вперёд.
— Это считается не полностью.

Зе ускорился.
Павильон появился между деревьями.
Прозрачная крыша.
Светлые колонны.
Стол.
Чаши.
И там…
на самом краю…
стояла она.
Кривая чашка.
Зе остановился.
Почему-то он не побежал.
Просто смотрел.
Си посмотрела на него.
— Что?
— Она там.
— Вчера тоже была.
— Я знаю.
Он подошёл.
Очень осторожно.
Будто за ночь чашка могла передумать быть чашкой.
Поставил лапу рядом.
Коснулся.
Чашка качнулась.
Тук.
Зе улыбнулся.
— Доброе утро.
Си тихо рассмеялась.
Га сел напротив.
— Теперь что?
Зе поднял чашку.
Осмотрел со всех сторон.
Одна стенка чуть выше.
Ручка неровная.
Дно не совсем плоское.
На боку была едва заметная впадина.
— Я хочу понять, почему она такая.
— Зачем? — спросила Си.
Зе удивился.
— Ну как зачем?
Он показал чашку.
— Посмотри на остальные.
Вокруг стояли десятки прекрасных чаш.
Тонких.
Гладких.
Точных.
И эта.
— Она одна кривая.
— И поэтому ты её заметил, — сказал Га.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.